

Маргинальные женщины и насилие: преступницы или жертвы в советском обществе? По материалам Даугавпилсской городской прессы (1953–1964)

Iveta KRYLOVA
Даугавпилсский университет

Ключевые слова: *город Даугавпилс, женщина, пресса, советский период, насилие, преступницы, жертвы, советское общество.*

В исторический период, известный в советской истории под названием «хрущевская оттепель» (1953–1964), на территории Советской Латвии в советском обществе приоритетом стала активная борьба против любого проявления девиантного женского поведения. Это обусловлено ролью женщины в советском обществе, ибо женщина как труженица, мать и хранительница семейного очага своим поведением не должна дискредитировать советское общество и демонстрировать негативную девиантную модель поведения подрастающему поколению.

Одно из дефиниций понятия «девиация» гласит: «Девиация (отклонение) – несоответствие, существующим нормам или совокупности норм, принятым большинством группы или общества» (К о г р а, Р а u l a 2010, 45). Понятие «девиантное поведение» включает и хулиганство, и нанесение телесных повреждений разной тяжести, что не может быть социально акцептированной нормой. Но, не глядя на принятые воспитательные и карающие меры, эти явления в советском обществе имели место.

Актуальность исследуемого вопроса обусловлено изобилием фактов в советской городской прессе данного периода о женщинах, вовлеченных в акты насилия, а также самих ставших объектами насилия, что указывает на повышенную агрессию и насилие как неотъемлемые элементы жизни городского пролетариата – рабочего населения. Агрессивность женщин и даже акты хулиганства можно объяснить не только как продукт общей девиации личности женщин, связанной со специфическим образом жизни и алкоголизацией, которая останется девиацией в любом обществе, при любом законодательстве. Эти явления можно трактовать также как реакцию на нерешаемые бытовые проблемы (тяжелый женский труд с низкой зарплатой во благо советского

общества, дефицит товаров, острый жилищный вопрос (нехватка жилой площади, жизнь в тесноте, в коммунальных квартирах с общей кухней и другими помещениями общего пользования), повышенные требования в обществе в отношении именно женщин). А иногда – даже как способ женской самозащиты. Поэтому нельзя ответить однозначно на вопрос: кем были эти женщины в советском обществе – преступницами или жертвами? И насколько все они были маргинальными?

В данной статье на примере города Латвийской ССР Даугавпилса раскрыта проблема женской агрессии и женского насилия в советском и в латвийском обществе советского периода. Раскрыть данную проблему помогают рефлексии Даугавпилсской городской прессы. Проблема женской агрессии (и агрессии против женщин) в городской прессе рассмотрена начиная с 1957 года, когда в СССР полным ходом идет процесс хрущевской оттепели и, заговорив об этом более открыто, меняются приоритеты борьбы с негативными явлениями социалистического быта. Поэтому в поле внимания прессы попали наболевшие вопросы повседневности населения. Чаще всего в городской прессе данная проблема раскрывалась в постоянных рубриках «Из зала суда», «На чистую воду», «На остриё пера», «Сорняки» и «За ушко, да на солнышко».

Основой исследования являются публикации в прессе города Даугавпилса – годовые комплекты за 1953–1964 годы печатных изданий горкома и райкома Коммунистической партии Латвии и исполкомов городского и районного совета «Падомью Даугава» (1957–1961) (на латышском языке) и «Красное Знамя» (на русском (1953–1964) и латышском языках (1953–1957, 1961–1964)). Городские газеты отражали официальную позицию и мнение структур власти, а также являлись способом контроля и воспитания общества, идеологическим орудием в борьбе против любых проявлений женской маргинальности, не соответствовавших нормам Уголовного кодекса и других нормативных актов Латвийской ССР, а также «Моральному кодексу строителей коммунизма».

Одним из проявлений женской маргинальности и девиантности, с очень широкой амплитудой антиобщественных деяний, является женское хулиганство.

Хулиганство, по статье 204-ой Уголовного кодекса Латвийской ССР – намеренные грубые нарушения общественного порядка или правил социалистического быта, выраженные как очевидное неуважение к обществу (*LPSR КК 1961*)

По материалам городской прессы, акты агрессии и насилия маргинальными женщинами часто были совершены в состоянии алкогольного опьянения, когда у них рушились и стерлись границы социально приемлемого поведения, давая выход подлинным эмоциям и поступкам.

По исследованиям С. Струмилина, в бюджете рабочей семьи СССР затраты на спиртное в 1963 году составляли 2,5 % (Л е б и н а, Ч и с т и к о в 2003,

260). Учитывая дешевизну цен на алкоголь, данный факт указывает на распространение бытового повседневного пьянства, что в условиях пропагандируемого советской властью полового равноправия постепенно являлось и уделом некоторых женщин. Дешевизна и доступность алкогольных напитков, распространенность традиции застолий и посиделок, о чем гласила и городская пресса, порождали женский бытовой алкоголизм. В совокупности с эмоциональной лабильностью женщин злоупотребление алкогольными напитками порождало акты женской агрессии.

Н. Лебина и А. Чистиков в своем труде «Обыватели и реформы» отмечают: «Выпивка, а следовательно, пьянство и алкоголизм, являлись реальностью советского общества 50-тых – начала 60-тых. «Архитекторы коммунистических реформ» не могли не видеть этого. Конечно, требовать трезвого образа жизни от обывателя власти не собирались, понимая экономическую значимость торговли спиртным. Однако либерально относиться к пьянству было тоже нелепо. Пьющих людей часто клеймили позором» (Лебина, Чистиков 2003, 261). Мощное орудие позора – советская пресса, которую читали все.

Застолья с употреблением алкоголя систематически заканчивались выяснением отношений бытового характера с соседями и, следовательно, вызовом милиции. Так, в статье «Родимые пятна» фигурировали супруги Р., а антигероиня статьи – жена из этой супружеской пары, гражданка Р., неуправляемая скандалистка, в состоянии алкогольного опьянения неоднократно ломала соседние двери и вламывалась к соседям. (Dzimumžīmes 1962, 3); Главная героиня статьи «Когда все спят» – Екатерина Б., любящая шумные посиделки и драки с соседями (Sobolis 1962a, 4). Таких примеров было несколько.

Иногда женская агрессия под влиянием алкогольных напитков была направлена на членов собственной семьи. В статье «Почему ушла Лиля?» фигурирует пьяная мать Вера Л., жестоко избившая 11-летнюю дочь за плохой присмотр за младшим братом (Почему ушла Лиля 1963, 2–3).

Часто акты агрессии женщин были совершены в публичных местах, в основном – в кафе и в буфетах, где продавался алкоголь. В статье ««Хата с краю» – мораль труса» охарактеризована Мария К., напавшая на дружинников за попытку арестовать ее мужа–дебошира, за что паре применена уголовная ответственность (Патрай 1964, 4). В статье «Так ли надо понимать декрет?» молодая женщина Мария С. с кавалерами устроила драку в ресторане «Даугавпилс», приставала к другим клиентам и избивала их в группе, а также сопротивлялась дружинникам, за что все вовлеченные лица переданы народному суду (Sobolis 1962, 2). Главная героиня статьи «Они не дают людям спокойно жить» – маляр А. Б., за пьяный скандал в буфете которой краснел весь женский коллектив (Viņi neļauj cilvēkiem mierīgi dzīvot 1959, 4). В статье «Ни стыда, ни совести» приставанием к мужчинам, предложением интимных услуг в обмен на выпивку и дракой с погромом в кафе в стадии

глубокого опьянения «прославились» две молодые женщины Александра Г. и Валентина Б., которым, впоследствии, было применено несколько суток заключения и общественные физические работы (D a d z i s 1959, 4). В статье «Танец на клумбах» рассказывается, как в городском парке культуры и отдыха была поймана и к административной ответственности за хулиганство привлечена «балерина» – работница СУ-309, некая А. Козловская. Женщина, после посещения кафе, лихо отплясывала на клумбах и ломала розы, а в ответ на замечания толпы выдавалась «пьяная трехэтажная ругань» (С о б о л ь 1964, 4).

Зачастую проявления женской алкогольной агрессии и другие проявления хулиганства пресса объясняла бездельем и тунеядским образом жизни. В статьях систематически акцентировались факты паразитического существования данных женщин, связанные с другим девиантным поведением.

Тунеядство в широком смысле – паразитическое существование за счет общества. По советскому уголовному законодательству, тунеядство – проживание трудоспособного лица на нетрудовые доходы, с уклонением от общественно полезного труда (статья 209 УК РСФСР) (БЮС 2003, 956).

В публикациях прессы строго осуждались тунеядки, чей образ жизни сочетался со злоупотреблением алкоголя и скандалами: в статье «Родимые пятна» – гражданка Д., которая не работает, пьянствует и забывает о своем материнском долге (D z i m u m z ĩ m e s 1962, 3). В статье «От безделья» – нигде не работающая 23-летняя Нина Б., которая «от безделья пошла в буфет, напилась пьяной». После посещения буфета, вернувшись домой в половине второго ночи, устроила скандал с поножовщиной в квартире у матери и на улице, за что ее приговорили на 15 суток с общественными физическими работами (От безделья 1957, 4). А также скандалистки коммунальной квартиры, нигде не работающие мать и дочь А. – мать спекулянтка, а дочка – девушка легкого поведения (A v e r b u h a 1959, 3).

Зачастую пьющие тунеядки занимались и другими преступными деяниями. Например, за хулиганские поступки (скандалы), систематическое мелкое мошенничество и квартирную аферу к уголовной ответственности была привлечена некая Ульяна К. (С о б о л ь 1964а, 4). Внимание прессы также удосужилась некая спекулянтка Елена Ш., торгующая дрожжами, напавшая на покупателей за попытку ее воспитывать (П а ш н и н 1964, 2).

Соответственно со статьей 12 Уголовного кодекса Латвийской ССР, «лицо, совершившее преступное деяние в состоянии алкогольного опьянения, не освобождается от уголовной ответственности» (LPSR KK 1961), что маргинальным женщинам не давало возможность уклоняться от уголовной ответственности, ссылаясь на сильное опьянение и в связи с этим на потерю памяти.

Женщина, злоупотребляющая алкогольными напитками, и даже единожды превышающая количество выпитого алкоголя, но при этом своим поведе-

нием попадая в публичное обозрение, в советском обществе «клеимилась» и автоматически подвергалась маргинализации и стигматизации.

Одна из причин – патриархальный строй общества. Не смотря на влияние советской идеологии, внедряющей нормы морали советского общества и правила советского быта, в том числе и равенство полов как продукт женской эмансипации в СССР, а также принужденное выполнение мужских ролей в семье, на работе и в обществе, особенно в тех семьях, где отсутствовали мужчины, что порождало и копирование мужских моделей поведения среди женщин, в том числе и в употреблении алкоголя, в городе до сих пор сохранились традиционные нормы поведения и крайне негативное отношение к женскому алкоголизму. Что снисхождением прощали мужчинам, то не прощали женщинам. По мнению автора данной статьи, причиной консервативного восприятия гендерных ролей в городе, даже в советское время являлось сильное влияние консервативных традиций городских конфессий, особенно традиций старообрядчества и православия (удельный вес семей поколений староверов и православных в городе исторически был высок). Заменить ценностную систему патриархального общества новой ценностной системой советского общества с женским равенством было не так уж быстро и просто.

Зачастую причиной и катализатором актов женской агрессии и агрессии против женщин являлся «квартирный вопрос», который, в связи с активным процессом миграции и перенаселенности в городе, проявлялся очень остро.

Жилищный вопрос в Даугавпилсе усугублялся благодаря географическому расположению города (близость границ, наличие железно-транспортных путей), многонациональному составу с доминирующим количеством русскоговорящего населения и процессам миграции из Белорусской ССР и Российской СФСР в более благополучные республики: мигранты чувствовали здесь себя уютно. Многие из них приезжали к родственникам, которые уже закрепились в городе и их приютили. Тяжелый быт не мог не повлиять на морально-этические ценности населения. О моральном упадке ценностей как результате взаимодействия женщины и суровой социальной реальности своего времени свидетельствует характер бытовых преступлений (К р у л о в а 2017, 92), предмет и мотив которых – жилая площадь. В жилищных войнах против соседей и даже родственников участвовали целыми семьями, вовлекая туда и знакомых.

Нехватка жилья и тесное вынужденное общение с соседями была благодатной почвой для женской агрессии. Характерная черта женского бытового хулиганства (ругательства, драк и агрессии) была борьба за место и право пользования на общей кухне (Z e m n i e k s 1959, 2; B o r g s 1961, 2), война за комнату в коммуналке (D r u ž i ņ i n s 1962, 2; T a u k u l 1964, 2); реже – борьба за подсобные помещения. Воевали женщины всех возрастов. Иногда сюжет событий имел острые повороты. Так, в статье «Новая квартира, которая не обрадовала», молодую работницу, получившую от завода комнату в

коммуналке, из-за агрессивной соседки, которая забаррикадировала входную дверь и упорно отказывалась ее открывать, через окно квартиры заселяли милиционеры, подавая ей чемоданы, – соседка по коммуналке пыталась отвоевать комнату для своей дочери, проживающей в Полоцке, а жилища были помехой, которую устранить не могли ей помешать ни милиционеры, ни общественное порицание, ни собственное увольнение и понижение в должности мужа (D r u ž i ŋ i n s 1962, 2). Похожа и история скандалистки Д., которая с помощью своих детей и двух квартиросъемщиц, работниц консервного завода Н. и З., отомстив за занятую соседями жилую площадь, кулаками избивала мать новой соседки и ее восьмилетнюю дочь (B e r e ž n o v s 1960, 4). Цель была одна – выжить соседей, чтобы они съехали. Гражданка Елизавета К., в целях личной выгоды, «систематически оклеветала жильцов жалобами в милицию и вместе с мужем преследовали родных дочерей и первую жену мужа, проживающих в этом же доме, причем не стеснялись в средствах, чтобы портить людям жизнь», за что ей вынесен общественный выговор (С о р о к и н 1964, 4).

Изредка скандалы за территорию в квартире и другие бытовые конфликты усугублялись конфликтами на межнациональной почве, что в условиях миграции и жизни в многонациональном городе было неизбежным явлением и что изредка отражалось и в городской прессе. Автор статьи, используя термин «антисемитизм», межнациональная ненависть, рассказал о некоей Ольге К. и ее сожителе, избивающих еврейского соседа и оскорбляющих его семью по национальному признаку (Т j у г и н s 1961, 2).

Иногда преступные деяния как акты агрессии женщин совещались против детей, притом агрессорами могли выступить как матери или иные близкие родственницы детей, так и совершенно посторонние люди. В статье «Почему ушла Лиля?» раскрыт факт избияния девочки собственной матерью за плохой присмотр за ребенком (Почему ушла Лиля 1963, 2–3). В статье «В чем провинилась Таня?» рассказывается о нападениях тети, сестры отца, на детей и их маму (К а р і т а н о v s 1959, 4). Причины – семейные ссоры и выяснение отношений, не щадящие даже детей.

Хулиганками усиленно занимались правоохранительные органы, но большую роль играла и разъяснительно–воспитательная работа разных общественных организаций: домоуправлений, рабочих коллективов, комсомольских ячеек, дружинников, членов бытовой комиссии и даже собраний жильцов.

Стремление переложить ответственность за покой и жизнь граждан на их общественные плечи вполне укладывалось в контекст социальных ожиданий. Новое уголовное законодательство, принятое в декабре 1958 года, смягчило систему наказаний в отношении малозначимых преступлений (Л е б н а, Ч и с т и к о в 2003, 260–261).

Н. С. Хрущев считал, что условием эффективной борьбы с преступностью в советском обществе будет являться привлечение широкой общественно-

сти к поддержанию правопорядка (Б о г д а н о в 2011, 25). Он подчеркнул роль общественных организаций в искоренении разных форм нарушений общественного порядка: «Совместно с партийными и комсомольскими организациями профсоюзные организации призваны обратить особое внимание на необходимость искоренения таких чуждых социалистическому обществу явлений, как хулиганство, пьянство, взяточничество, спекуляция, и других отвратительных пережитков прошлого» (*КПСС* 1959). Однако, как сказано в статье заместителя начальника городского отдела милиции Н. Никитинского, «одни органы милиции, суда и прокуратуры не могут до конца выполнить задачу полной ликвидации преступности, если в борьбу с хулиганами не включатся миллионы рабочих и служащих; если каждый член нашего общества, как образно выразился Н. С. Хрущев, не будет чувствовать себя милиционером. Мы в скором времени сумеем ликвидировать [...] хулиганство, если каждый честный человек [...] не будет проходить мимо любой попытки хулиганства, а активно пресекать их» (Н и к и т и н с к и й 1963, 2). Ответная реакция общества была положительной, особенно охотно проявляясь в отношении к женщинам – хулиганкам, положение которых усугубляли и крепкие консервативные гендерные стереотипы о женском социально акцептируемом поведении и антиповедении. Уполномоченные законодательством к воспитательной (а также к карательной) задаче маргинальных женщин охотно подключились разные представители общества – домоуправы, представители трудовых коллективов и комсомола и даже соседи, повышая, таким образом, свою социальную значимость.

В статье 20 Уголовного кодекса Латвийской ССР сказано: «Наказание применяют не только с целью наказания за содеянное преступление, цель наказания – исправление и перевоспитание виновных, чтобы они честно относились к труду, с точностью выполняли законы, уважали правила социального быта и не совершали другие правонарушения» (*LPSR KK* 1961).

Одним из механизмов наказания женщин с ярко выраженной тенденцией к насильственному поведению против сограждан в исследуемый период времени являлось общественное порицание.

Согласно статье 30 Уголовного кодекса Латвийской ССР, «общественное порицание – это порицание, которое заключается в публичном выражении судом с доведением до сведения общественности с помощью прессы или иным способом» (*LPSR KK* 1961). О частоте применения данной меры наказания систематически гласила городская пресса (В е р е ж н о в с 1960, 4; А в е р б у х а 1959, 3; Д р у ж и н с 1962, 2). Цель данной меры – публично пристыдить виновных, создавая у них чувство позора. Учитывая то, что газеты в данный период как почти единственный и главный публичный источник информации советского общества читали все, порицаемое лицо автоматически становилось «знаменитостью» в городе и подвергалось публичному осуждению и издевательствам со стороны соседей, товарищей по работе и

других лиц. Поэтому попасть на страницы газет в качестве отрицательного персонажа было позорно. Многих эмоционально лабильных женщин это действительно воздержало от публичного проявления агрессии. Но, судя по рецидивам в прессе, не всегда данная мера была эффективной. Характер виновных женщин, зависимость от спиртных напитков и отсутствие рамок морали брали свое – акты насилия повторялись.

Мерой наказания для женщин за их насильственные деяния служили и денежные штрафы: их применяли за нарушения правил социалистического быта и за легкие телесные повреждения (В е р е ж н о в с 1960, 4). Размер денежных штрафов в материалах прессы никогда не оглашался, но информацию дает Уголовный кодекс Латвийской ССР.

В статье 111 Уголовного кодекса Латвийской ССР «Избиение или пытки» за преднамеренное избиение или другое причинение физических страданий предусмотрен штраф до 50-ти рублей (или общественное порицание). За легкое преднамеренное телесное повреждение (статья 109) – денежный штраф до 100 рублей. Денежный штраф за хулиганство, по статье 204, предусмотрен размером до 50-ти рублей, а за мелкое повторное хулиганство (чаще, чем 2 раза в течение года) – до 30-ти рублей (*LPSR KK* 1961). Для сравнения – в 1953 году средняя зарплата в СССР составляла 719 рублей. 4 мая 1960 года в Кремле было подписано постановление № 470 Совета министров ССР «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами». Находившиеся в обращении денежные знаки образца 1961 года были заменены по соотношению 10:1 и в том же соотношении были изменены цены всех товаров, тарифные ставки заработной платы, пенсии, стипендии и пособия, платежные обязательства и договоры (С т а р и к о в 2014). Значит, штраф составлял почти размер одной средней зарплаты, но даже это не пугало правонарушителей.

Наказание за хулиганство, по статье 204, предусматривало лишение свободы сроком до одного года, а повторное хулиганство, сопротивление представителю власти или общественности во время выполнения обязанностей стражи порядка, или если они связаны с нанесением телесных повреждений, особым цинизмом, предусматривало лишение свободы сроком до пяти лет с высылением или без высыления. За тяжелое преднамеренное телесное повреждение (статья 105) – лишение свободы сроком от трех до восьми лет. А за повторные деяния, совершенные с особой жестокостью и в группе лиц – до десяти лет. За преднамеренное телесное повреждение средней тяжести (статья 106-я) – исправительные работы сроком до одного года и лишение свободы сроком до четырех лет и до шести лет. За легкое преднамеренное телесное повреждение (статья 109-я) – лишение свободы сроком до года и денежный штраф до 100 рублей (*LPSR KK* 1961).

Согласно Указу Президиума ВС СССР от 2 июня 1948 года «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ

жизни», общим собраниям жителей было предоставлено право выносить общественные приговоры о выселении лиц, которые упорно не желают честно трудиться, ведут антиобщественный образ жизни, подрывают трудовую дисциплину и угрожают благосостоянию и безопасности жителей» (У к а з 1948). Данная статья закона развязала руки и органам власти, и соседям женщин, подвергаящим их физическому насилию и словесным оскорблениям, и дала в крупных городах республиканского значения, каковым являлся и второй по величине в Латвии город Даугавпилс, возможность оперативно, в краткие сроки, избавиться от деклассированных агрессивных женщин, поражая их в правах.

Также имелись случаи выселения из квартир злостных агрессоров, нарушающих покой соседей и избивающих их (Т j u r i n s 1961, 2).

В 60-ые годы в Советском Союзе, в том числе и в Латвии, самое популярное наказание за асоциальный образ жизни было выселение за «101 километр». «101 километр» – неофициальное название поражения в правах в СССР – запрет поселения для судимых и, с точки зрения советских общественных норм морали, нежелательных для общества маргинальных категорий лиц. Данное ограничение предусматривало запрет поселения ближе, чем 100 километров от столиц советских республик и стратегически важных «закрытых городов». Запрет не давал возможности получить прописку и поселиться на данных территориях. Во время хрущевской оттепели данный запрет применялся для разного рода социально опасных элементов. Цель ограничения – изоляция нежелательных элементов от общества (101 kilometers 2011, 4). Чаще всего, судя по материалам городской прессы, применялось выселение сроком на 5 лет. Этот прием использовался в случаях, когда агрессивные женщины своим асоциальным образом жизни порядком доставали всех.

В анонимном письме в редакцию «Из города – вон» описано, как нигде не работающая женщина, ранее уже упомянутая Леонтина С. с сожителем, за систематическое пьянство и нарушение покоя соседей выселены как тунеядцы из города на 5 лет (Из города – вон 1963, 4). Также женщинам хулиганского поведения были сделаны предупреждения о возможном выселении из города (A v e r b u h a 1959, 3).

Анализ материалов Даугавпилсской прессы углубляет представление о факторах, порождающих проявления женской агрессии, и формах проявления агрессии, а также о самих агрессорах женского пола. Отвечая на вопрос, кем являлись эти женщины, совершившие акты насилия – преступницами или жертвами в советском обществе, нельзя дать однозначного ответа.

Безусловно, имели место случаи открытого девиантного женского поведения, связанного с моральной деградацией ценностной системы и алкоголизацией некоторой части женщин, а также общества в целом. Если рассматривать случаи, когда женская агрессия и хулиганство являлись продуктом общей глубокой девиации конкретной личности женщины, что не может быть

социально акцептированной нормой не только в советском обществе, то это, в зависимости от степени тяжести, нарушение общественных норм или преступное деяние. Этих женщин, даже при изучении фактов их биографий, которые, зачастую тенденциозно, были раскрыты в материалах прессы, очень редко можно характеризовать как «жертв советской системы».

Учитывая то, что женская агрессивность в советском обществе была порождена острыми социальными и бытовыми проблемами, главная из которых – «жилищный вопрос», и конфликты такого рода, судя по материалам городской прессы, встречались намного чаще, нежели акты проявления девиантного поведения морально деградированных женщин, этих женщин объективно нельзя однозначно называть маргинальными. Они были простыми работницами, домохозяйками, женами, матерями семей, вынужденными тесниться в неблагоустроенных домах, коммуналках или в узких комнатах. Но в случаях «квартирного вопроса», когда надежда на помощь властей была ничтожно мала, агрессия женщин часто была лишь попыткой защиты своей территории и прав семьи на этой территории, что делает оценку женской агрессии и насилия не столь однозначной. И даже алкоголь иногда служил катализатором, чтобы женщины выплеснули свои накопившиеся эмоции.

Ни общественное порицание, ни денежные штрафы, исправительные работы, лишение свободы и выселение как карающие меры не могли полностью искоренить женское хулиганство, ибо проявления женской агрессии, особенно в совокупности со злоупотреблением алкогольных напитков, в условиях тяжелого советского быта повторялись.

Библиография

Источники

LPSR KK 1961 – *Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas kriminālkodekss*, Rīga: Latvijas PSR Augstākās Padomes prezidijs. [Pīcejams: <http://dom.lndb.lv/data/obj/file/18119693.pdf>].

КПСС 1959 – *Внеочередной XXI съезд КПСС*. 27 января – 5 февраля 1959: Стенографический отчет. Москва, 2, 547.

У к а з 1948 – Указ Президиума СССР от 2 июня 1948 года «*О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни*».

Литература

101 kilometrs 2011 – „101 kilometrs. Padomju tuvā trimda”, *Diena*, 29.10.2011., 4.

A v e r b u h a 1959 – G. Averbuha, „Mācība daudzēm”, *Padomju Daugava*, 249 (400), 15.10., 3.

B e r e ž n o v s 1960 – M. Berežnovs, „Par tiem, kas traucē kaimiņu mieru”, *Padomju Daugava*, 123 (534), 21.06., 4.

B o r g s 1961 – B. Borgs, „Sadzīves jautājumi nav privāta lieta”, *Padomju Daugava*, 7 (678), 10.01., 2.

- D a d z i s 1959 – P. Dadzis, „Ne kauna, ne goda. *Padomju Daugava*, 2 (153), 03.01., 4.
Dzimumzīmes 1962 – „Dzimumzīmes”, *Krasnoje Znamja*, 43. (971), 29.07., 3.
D r u ž i ņ i n s 1962 – J. Družinš, „Jaunais dzīvoklis, kas nesagādāja prieku”, *Krasnoje Znamja*, 15 (943), 10.06., 2.
K a p i t a n o v s 1959 – I. Kapitanovs, „Ko nodarījusi Taņa?”, *Padomju Daugava*, 238 (389), 4.10., 4.
K o r p a, P a u l a 2010 – Viola Korpa, Līga Paula, *Socioloģija*, Jelgava: Jelgavas tipogrāfija.
K r y l o v a 2017 – I. Krylova, «Источники раскрытия социальной реальности прошлого: материалы Даугавпилсской прокуратуры (1953–1964) о женских уголовных преступлениях», *Acta humanitarica universitatis Saulensis*, 25, 85–96.
S o b o l i s 1959 – F. Sobolis, „Viņi sodīti par huligānismu”, *Padomju Daugava*, 4 (157), 06.01., 4.
S o b o l i s 1962 – F. Sobolis, „Vai tā jāsaprot dekrēts?”, *Krasnoje Znamja*, 38. (966), 24.07., 2.
S o b o l i s 1962a – F. Sobolis, „Kad visi devušies pie miera”, 117 (4782), 21.12.1962. 13.12., 4.
T j u r i n s 1961 – P. Tjurins, „Biedru tiesu sasauc otreiz”, *Krasnoje Znamja*, 113 (870), 06.10., 2.
Viņi neļauj cilvēkiem mierīgi dzīvot 1959 – „Viņi neļauj cilvēkiem mierīgi dzīvot”, *Padomju Daugava*, 119 (270), 23.05., 4.
Z e m n i e k s 1959 – J. Zemnieks „Kauja par ķēķi”, *Padomju Daugava*, 11 (164), 18.01., 4.
Б о г д а н о в 2012 – С. Богданов, *Попытки Н. С. Хрущева активизировать борьбу с экономической преступностью в СССР*, Российский историко – архивоведческий журнал «Вестник архивиста», 21.07., 8.–12.
БЮС 2003 – *Большой юридический словарь*, под. ред. А..Я. Сухарева, Москва: Инфра.
Из города – вон 1963 – «Из города – вон», *Красное Знамя*, 7 (4802), 13.01., 4.
Л е б и н а, Ч и с т и к о в 2003 – Наталия Лебина, Александр Чистиков, *Обыватели и реформы*, Санкт–Петербург: «Дмитрий Буланин».
Н и к и т и н с к и й 1963 – И. Никитинский, «Преступность можно изжить», *Красное Знамя*, 180 (4975), 12.11., 2.
П а н ш и н 1964 – А. Паншин, «Случай в магазине», *Красное Знамя*, 141 (5144), 04.09., 2.
П а т р а т и й 1964 – В. Патратий, ««Хата с краю» – мораль труса», *Красное Знамя*, 51 (5054), 29.03.
Почему ушла Лиля 1963 – «Почему ушла Лиля?», *Красное Знамя*, 173 (4968), 30.10., 2.–3.
От безделья 1957 – «От безделья», *Дневник милиции*, *Красное Знамя*, 159 (1319), 11.08., 4.
С о б о л ь 1964 – Ф. Соболев, «Танец на клумбах», *Красное Знамя*, 110 (4905), 12.07., 4.
С о б о л ь 1964a – Ф. Соболев, «Путь мошенничества короток», *Красное Знамя*, 43 (5046), 15.03., 4.
С о р о к и н 1964 – Л. Сорокин, «Сама себя высекла», *Красное Знамя*, 185 (5188), 20.11., 4.

Стариков 2014 – Н. Стариков, «Денежная реформа Хрущева – сознательное разрушение экономики», *Военный обозреватель*, 10 июня 2014.

Таукул 1964 – А. Таукул, «В защиту матери», *Красное Знамя*, 141 (5144), 04.09., 2.

Iveta Krylova

Marginalios moterys, atskirtis ir prievarta: nusikaltėlės ar aukos sovietinėje visuomenėje? Daugpilio miesto spaudos analizė (1953–1964 m.)

S a n t r a u k a

Pagrindinės sąvokos: *Daugpilio miestas, moteris, spauda, sovietinis laikotarpis, atskirtis, prievarta, nusikaltėlės, aukos, sovietinė visuomenė.*

Moteryų marginalumo, kaip socialinio reiškinių, Latvijos TSR ir Daugpilyje „Chruščiovo atšilimo“ laikotarpiu (1953–1954 m.) būdingi požymiai yra atskirtis ir prievarta. Sovietmečiu, 1953–1964 m., Latvijos gyventojai susidūrė su socialinėmis ir ekonominėmis problemomis – mažomis kompensacijomis, būsto trūkumu, būtiniausių prekių deficitu, kokybiškų prekių trūkumu, nedideliais atlyginimais už sunkų darbą, skurdu ir kt. Straipsnyje aptariamas šiame kontekste išryškėjęs vyrų funkcionavimas šeimoje, darbe ir visuomenėje, lyčių vaidmenų sovietinėje sistemoje supratimas, moterų emancipacija, alkoholio vartojimo paplitimas tarp Latvijos moterų. Visa tai sudarė tradicinės patriarchalinės šeimos žlugimo pagrindą. Kai kurioms moterims nepavyko išvengti problemų: nusikalstamumo, amoralaus gyvenimo būdo, streso, agresijos, atskirties, prievartos ir kt.

Marginalios moterys – nusikaltėlės ar aukos sovietinėje visuomenėje? Ši problema buvo itin aktyviai aptarinėjama Daugpilio miesto spaudoje. Daugpilio laikraščių *Padomju Daugava* ir *Krasnoje Znamja* analizė leidžia atskleisti moterų padarytų nusikaltimų istorijas 1953–1964 m., suprasti to meto socialinę tikrovę, atkurti padarytus nusikaltimus, socialiai atstumtų moterų portretus, o tai leido nustatyti sąsajas tarp šių moterų amžiaus, kilmės, išsilavinimo, užimtumo, šeiminių, socialinės padėties ir jų teistumo, atskirties bei prievartos. Analizė atskleidė socialinės aplinkos įtaką moralės standartų nykimui, kurie, sąveikaudami su asmeninėmis savybėmis, skatino moterų nusikalstamumo augimą.

Iveta Krylova

Marginal Women, Neglect and Abuse: Criminals or Victims in Soviet Society? A Case Reflected in Daugavpils Press (1953–1964)

S u m m a r y

Keywords: *Daugavpils city, woman, press, Soviet period, neglect, abuse, criminals, victims, Soviet society.*

Women marginalism as a social phenomenon in the Latvian SSR and Daugavpils city, during the period of the “Khrushchev thaw” (1953–1954), had its own characteristic spectrum, also neglect and abuse. In the Soviet period, in 1953–1964 years (time of government of N. Khrushchev in USSR), on the territory of Latvia, in case of the existing social and economic problems – low compensation, shortage of housing, deficit of essential goods and quality manufactured goods, difficult work with little reward and poverty, etc. men’s functions in the family, work and society, understanding of gender roles within the Soviet system and female emancipation, everyday traditions and spread of alcohol consumption among women in Latvian population, became pronounced. That was the foundation for the collapse of traditional patriarchal family and in women’s life occurred such problems as women crime and amoral lifestyle, psychical stress, aggression, neglect and abuse in family in soviet Latvian society. Women marginalism with neglect and abuse as a social phenomenon in the Latvian SSR and Daugavpils city during the period of the “Khrushchev thaw” had a variety of external and internal indicators.

Marginal women – criminals or victims in Soviet society? Why were women as perpetrators or as victims of soviet life? How and why could it happen? This problem was vividly expressed in the materials of Daugavpils city press. The article aimed to analyse 23 articles of the Daugavpils press. In the example of women in Daugavpils, the analysis of Daugavpils city press materials, such as “Padomju Daugava” and “Krasnoje Znamja”, includes the history of women’s crimes (1953–1964) within the Soviet system, they are a sources to explore and construct the social reality in the past, formed a basis for reconstruction of crimes and of a social portrait of marginal women, give the chance to establish correlation between age, origin, education level, employment, marital status, the social status, a criminal record and committed neglect and abuse acts. The analysis revealed the influence of the social environment on decline of moral standards and motives, which in interaction with personal and psychological characteristics of women promoted the growth of crime among women.

I v e t a K R Y L O V A
Daugavpils Universitāte
Vienības iela 13
LV-5401 Daugavpils
Latvia
[nikki75@inbox.lv]

*Straipsnis gautas 2019 m. rugsējo 16 d., priimta 2020 m. vasario 12 d.
Received 16 September 2019, accepted 12 February 2020.*